

Что касается ликовъ святыхъ, то въ нашихъ источникахъ обыкновенно говорится о „пророкахъ, апостолахъ, праведныхъ и мученикахъ“, т.-е. подъ понятіе „праведныхъ“ могутъ подойти и святители, и преподобные, и праведные въ нашемъ смыслѣ. Впрочемъ, нерѣдко преподобные выдѣляются въ особую группу, называемую „монахи“ или „святые“, (*qedusān*). Особенно рельефно проведено это, напр., въ одномъ изъ чудес Габра-Манфась-Кеддуса, гдѣ „мученикамъ“ противополагаются „святые“, подъ которыми разумѣются Шенути, Латцунъ, Киръ и Габра-Манфась-Кеддусъ. Въ другомъ чудѣ того же святого говорится о явленіи „святыхъ съ отцомъ ихъ Антониемъ“, и въ томъ же текстѣ объ „Антоніи и монахахъ“. Въ житіи Евстаѳія слово „святые“ употребляется, какъ синонимъ слова „монахи“, такому же словоупотребленію мы обязаны и тѣмъ, что абиссинцы называютъ своихъ вторыхъ просвѣтителей „девятью святыми“. Здѣсь, я думаю, „святые“ надо понимать не въ широкомъ смыслѣ, а какъ выраженіе, соотвѣтствующее нашему „преподобные“. Конечно, это не исключаетъ и того, что слово *qedusān* имѣло и общее значеніе.

Подобно другимъ христіанскимъ церквамъ, эзопская употребляла для отдельныхъ святыхъ особые эпитеты, прилагавшіеся къ ихъ именамъ болѣе или менѣе послѣдовательно. Такъ, Самуилъ вальдебскій называется въ житіи „добропамятнымъ“ (*sēnāia-zékér*), Филиппъ — „украшеннымъ“ (*sērgēw*), Ааронъ — „дивнымъ“ (*mankērāwi*)¹⁾, Валатта-Петросъ — „бла-женней и святой“, Іосифъ — „свѣтиломъ міра“ и т. д.

¹⁾ Можетъ быть и „чудотворецъ“. *Mankērāwi* имѣеть оба значенія, но для понятія „чудотворца“ чаще употребляются сложныя выраженія въ родѣ: „*gabārē taāmer*“. Wright (Catal. p. 179) переводить „Aaron the Thaumaturg“.

II.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТОРОНА ЖИТІЙ.

Какъ писались пространныя житія и кто былъ ихъ авторомъ? Отвѣты на этотъ вопросъ мы находимъ во многихъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній агіобіографической литературы, особенно во вступленіяхъ, послѣсловіяхъ и припискахъ. Въ житіи Арагави даются интересныя указанія даже въ самомъ основномъ текстѣ. Разсказавъ о томъ, что предъ „сокрытіемъ“ святого ему явился Спаситель, авторъ продолжаетъ: „утромъ онъ позвалъ Матеія ученика своего, ибо тотъ любилъ его болѣе всѣхъ учениковъ его, и сказалъ ему: „въ сію ночь являлся мнѣ Господь и далъ мнѣ завѣтъ“. И онъ разсказалъ ему все, что Онъ сказалъ ему, и какъ далъ завѣтъ ему, чтобы онъ записалъ и чтобы память объ этомъ завѣтѣ и этихъ подвигахъ была въ родахъ родовъ“. По преставленіи святого „когда они окончили плачъ, рассказалъ имъ Матеій все, какъ данъ былъ ему (святому) завѣтъ отъ Бога. И когда они услыхали это, возрадовались великою радостью и благословили Бога и обратился плачь ихъ въ радость. Тогда принесли хартію (*kērtas*) и перо и написали книгу подвиговъ его и завѣта его, о которыхъ рассказали имъ Матеій и Іосифъ, да будетъ польза слушающимъ. Все, что онъ совершилъ, не записано, да не будетъ безуміемъ для слушателей; немногое лишь записано

изъ этого по мѣрѣ возможности". Итакъ, житіе святого пишется съ его же словъ его ближайшими учениками сряду по его представлѣніи. Было ли это въ самомъ дѣлѣ такъ, и какъ примирить съ этимъ слова вступленія къ тому же житію: „итакъ, напишемъ повѣствованіе объ изрядствѣ и добрыхъ подвигахъ и твердости воздержанія блаженнааго и святого человека Божія За-Микаэля, который есть Арагави, верховникоа восьми святыхъ, о которомъ повѣствовалъ Іаредъ іерей и сладкошвецъ, свѣтъ Эеюпія, во дни царствованія царя Габра-Маскаля, сына Калеба"? Во всякомъ случаѣ сами абиссинцы представляли себѣ дѣло не иначе, какъ въ томъ видѣ, что записи о жизни подвижниковъ велись въ ихъ монастыряхъ ихъ учениками. Эти записи могли быть потомъ обрабатываемы (какъ въ данномъ случаѣ, напр., можетъ быть эта обработка приписывалась Іареду) въ стройное житіе по почину настоятелей или стороннихъ лицъ, особенно почитавшихъ память святого. Иногда взявши на себя этотъ трудъ оказывались въ большомъ затрудненіи. Агіобіографъ Филиппа добра-либаносскаго, писавшій по порученію настоятеля „много лѣтъ по забвеніи" дѣяній святого, разсказываетъ намъ, какъ онъ скорбѣлъ „не находя никого, кто рассказалъ бы ему" о нихъ, „ни малаго, ни единственнаго", какъ онъ обратился съ молитвой къ святому и получилъ отъ него во снѣ откровеніе. Конечно, это литературный пріемъ, но что случаи такихъ затрудненій были возможны, на это указываетъ уже само повѣствованіе этого-же житія о до-монастырской жизни Филиппа, а также такие агіологические трактаты, какъ житіе Габра-Іасуса, къ которому намъ еще придется обратиться.

О происхожденіи житій, мы отчасти узнаемъ и изъ слѣдующаго разсказа одного изъ составителей въ „десятомъ чудѣ" въ житіи Валатта-Петросъ: „былъ одинъ іеромонахъ по имени Мазгаба-Хайманотъ, который воспитался и выросъ въ общежитіи матери нашей Валатта-Петросъ, ибо онъ пришелъ туда

вмѣстѣ съ матерью, будучи груднымъ ребенкомъ. Тамъ онъ научился грамотѣ и былъ кротокъ, тихъ, добръ и боголюбивъ. Потомъ онъ постригся въ монахи, сохранивъ дѣвство. И впаль онъ въ упорную болѣзнь, сильно страдалъ, отвердѣла плоть его, и онъ постоянно лежалъ на одрѣ много лѣтъ. Однажды ночью онъ видѣлъ во снѣ видѣніе, которое было и окончилось во время свое. Проснувшись, онъ подозвалъ меня, списателя этой книги. Я подошелъ къ нему и спросилъ его, и сказалъ ему: „зачѣмъ ты меня подозвалъ?" Онъ отвѣтилъ мнѣ, сказавъ: „послушай, что я разскажу тебѣ о томъ, что видѣлъ я сегодня во снѣ ночью: тебѣ приказали написать житіе (gadl) и чудеса матери нашей святой Валатта-Петросъ. Я видѣлъ во мгновеніе, что ты пишешь и оканчиваешь книгу великую, пріятную по слогу и красивую по письму. Я слышалъ, что говорилось это среди многочисленнаго собранія. Кажется ли тебѣ этотъ сонъ истиннымъ, или ложнымъ, и какъ мнѣ думать о немъ? Да дастся тебѣ сей даръ отъ Бога, отъ Него же всякъ даръ совершенъ и всяко даяніе благо. И скажи мнѣ еще, если это такъ, то можешь ли ты написать?" Я отвѣчалъ ему и сказалъ: „какъ могу я сдѣлать это? Но нѣтъ ничего невозможнаго для Бога". Онъ сказалъ мнѣ: „какъ хотѣлъ бы я, чтобы ты написалъ, если на то будетъ воля Божія". Я отвѣчалъ ему и сказалъ: „какъ могу я сдѣлать это и писать самовольно то, о чемъ мнѣ не приказывали отцы мои, и гдѣ мнѣ узнать житіе (gadl) матери нашей святой Валатта-Петросъ? Развѣ я не новое насажденіе? Я и не живъ тогда. Если разскажутъ мнѣ предваривши меня старцы, я напишу". Онъ отвѣтилъ мнѣ: „если ты не напишешь теперь, напишешь потомъ; не думай, что этотъ сонъ лживъ; сохрани его въ сердцѣ твоемъ". И сообщивъ мнѣ это, онъ пребывалъ въ этой болѣзни еще четыре года или пять лѣтъ, а потомъ скончался въ мирѣ. Богъ да упокоитъ душу его въ царствіи небесномъ. Аминь! А случай этотъ забылся, некому было на-

помнить о немъ послѣ успенія Мазгаба-Хайманотъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Потомъ подвигнула воля Божія одну сестру, и она понуждала меня писать. Я сказалъ ей: „тоже самое нѣкогда свидѣтельствовалъ Мазгаба-Хайманотъ и говорилъ мнѣ, но я оставилъ безъ вниманія, ибо не уполномочили меня отцы мои“. Она сказала отцамъ и игуменію общежитія, тѣ положили молитвенное правило на семь дней. И вотъ поѣтому-то я и написалъ по волѣ Божіей и съ помощью матери нашей святой Валатта-Петроſсъ“.

Побужденіемъ къ такимъ записямъ и литературной обработкѣ ихъ, кромѣ желанія сохранить память о святомъ „изъ рода въ родъ“ на поученіе духовнымъ потомкамъ, могло служить и требованіе богослужебной практики — необходимость читать въ церкви житіе святого¹⁾ особенно за всенощнымъ бдѣніемъ на день памяти его; наконецъ, браться за составленіе житія, его переписку и заказъ побуждалъ „завѣтъ“, данный Богомъ святому и обѣщавшій, между прочимъ, всѣ временные и вѣчныя блага за это дѣло²⁾. Вотъ почему мы постоянно встрѣчаемъ въ житіяхъ и въ припискахъ къ нимъ молитvenные обращенія къ святымъ о заказчикѣ житія и спісателѣ его, съ необходимымъ упоминаніемъ ихъ именъ. Второе изъ нихъ можетъ быть и именемъ настоящаго автора, также какъ и именемъ простого переписчика. Рѣшить вопросъ объ этомъ у насъ нѣть возможности. Для доказательства приведу харак-

¹⁾ Житіе Такла-Хайманота въ парижской рукописи № 137 даже раздѣлено для этой цѣли на зачала по мѣсяцамъ. Житіе Габра-Манфась-Кедуса въ лондонской рукоп. № 48 (Dillm., p. 51) распределено на 7 зачаль по днямъ недѣли.

²⁾ Отсюда понятны послѣдовія въ родѣ, напр., присоединенного къ житію Самуила вальдебскаго: „написавшаго и поручившаго написать, читающаго—слушающаго всѣ слова его, да управить онъ во царствіе небесное во вѣки вѣковъ. Аминь. Того, кто поручилъ написать это житіе (zénâ) (имя рекъ) да удостоить онъ обители съ пророками и апостолами и съ симъ отцемъ нашимъ Самуиломъ добропамятнымъ, равноангельнымъ, и да напишетъ имя въ Иерусалимъ небесномъ ради Владычицы нашей Маріи непорочной во вѣки вѣковъ. Аминь“.

терный случай недоразумѣнія, жертвой которого сдѣлался Schodde, въ своемъ описаніи дрезденскаго экземпляра житія Валатта-Петроſсъ¹⁾. Въ началѣ длиннаго введенія, послѣ молитвенного вступленія, онъ прочелъ: „напишу я грѣшный и беззаконный Ираклидъ нѣчто изъ повѣсти о гоненіяхъ и многихъ подвигахъ и изрядствахъ матери нашей святой Валатта-Петроſсъ..., слухъ о которой прошелъ по всей вселенной и возвѣщенъ отъ края до края. Ибо сіе полезно для слушающаго и прибыль для внимающаго, и путь спасенія для послѣдующаго ему. Я дѣлаю это не въ дерзости и гордыни, не ища славы тщетной и прославленія суетнаго, но потому, что повелѣла мнѣ святая Христова... пылавшая любовью къ ней и сказала: „пиши, да будетъ явлена повѣсть о ней и дойдетъ туда, куда не доходила, и будетъ услышана тамъ, гдѣ ее не слышали и будетъ возвѣщена память ея въ родъ и родъ тѣмъ, которые придутъ послѣ насъ, до вѣка... И по успеніи матери нашей святой Валатта-Петроſсъ въ 30-й годъ по ея успеніи и въ 7165-й годъ милости, въ 11 эпакту, 19 золотое число, въ 5-й годъ царствованія царя нашего Иоанна Боголюбиваго, въ периодъ Евангелиста Матея написали мы сюю книгу подвиговъ, ибо подвигнула нась ревность духовная о матери нашей Валатта-Петроſсъ; читать ее слѣдуетъ 17-го числа мѣсяца Хедара“. Сомнѣній, повидимому, быть не можетъ: авторъ указываетъ и свое имя, и время написанія своего труда, и поводъ къ нему. Между тѣмъ въ лондонской рукописи житія, бывшей у насъ подъ руками вмѣсто имени Ираклида на высокобленномъ мѣстѣ стоить „Клавдій“, т. е. простой переписчикъ рукописи. Поэтому и авторство Ираклида является весьма сомнительнымъ. Если въ случаѣ, каковъ данный, переписчикъ и ставя свое имя, не счелъ нужнымъ измѣнить хронологической даты своего оригинала, то тамъ, гдѣ такой даты не было, онъ былъ

¹⁾ Beschreibung einer äthiopischen Handschrift d. Konigl. Biblioth. zu Dresden. Zeitschrift d. deutsch. Morgenl. Gesellsch. XXX, 297–302.

еще менѣе связанъ. Напримѣръ, въ житіи Абія-Эгзіѣ мы читаемъ въ началѣ: „по многихъ дняхъ озабочился отецъ нашъ Ираклидъ поручить написать подвиги отца нашего Абія-Эгзіѣ, ибо пекся о немъ и исполнилъ его Духъ Святый. И когда мнѣ грѣшному и недостойному и не мудрому сказалъ отецъ нашъ Абія-Эгзіѣ, чтобы я рассказалъ, какъ онъ творилъ по молитвѣ своей чудеса и знаменія при жизни, я, услыхавъ возрадовался сердцемъ, ибо давно въ юности моей слышалъ въ другой странѣ разсказы одного вѣрнаго о семъ изрядномъ отцѣ нашемъ Абія-Эгзіѣ и о томъ, какъувѣровали всѣ люди въ молитву его. Я повѣдаю немногого, что открылъ мнѣ Господь обѣ изрядствѣ его. Я приступилъ къ старцамъ, что въ обители его и къ отцу нашему Ираклиду премудрому въ Духѣ Святомъ и сказалъ имъ: „повѣдайте мнѣ, какъ живъ сей отецъ нашъ Абія-Эгзіѣ“... Этотъ интересный и вполнѣ опредѣленный разсказъ говорить намъ, что житіе подвижника было написано по порученію его второго преемника — Ираклида, причемъ авторъ руководствовался какъ собственными свѣдѣніями, такъ и рассказами монаховъ, помнившихъ святого. Авторъ здѣсь въ текстѣ совсѣмъ не называетъ своего имени; стоящее тамъ и сямъ въ рукописи имя „Габра-Хейватѣ“ намъ ничего не даетъ. Сомнительно для насъ кто былъ Ацма-Руфаэль, расписавшійся въ послѣдовіи къ житію Филиппа: „благослови... отца нашего Иоанна Кама, потщавшагося о написаніи подвиговъ твоихъ по любви къ тебѣ много дней по забвеніи ихъ. Да запишетъ имя его Господь златою тростью... и сына его Ацма-Руфаэль отъ искушенія и потрясенія да избавить“... Изъ этой приписки можно лишь заключить, что житіе исповѣдника дѣйствительно было написано по порученію архимандрита Иоанна Кама. Точно такъ же житіе Аарона дивнаго поминаетъ „Иоанна, учителя закона, поручившаго написать сіе житіе за-ново со старого, изволяющу Христу“. Такое происхожденіе имѣли, конечно, житія подвижниковъ

вездѣ, и оно вполнѣ естественно. Какъ возникали житія абиссинскихъ царей, причисленныхъ къ лицу святыхъ, у насъ пока нѣть указаній да и самихъ пространныхъ житій царей у насъ нѣть, кроме посвященныхъ Лалибалѣ и Наакурто—Лаабу, причемъ доступно для изученія лишь первое, да и то не въ полномъ видѣ и по одной поздней рукописи. Оно переписано для царицы Валатта-Іасусъ и ея дѣтей, но обстоятельства его возникновенія намъ неизвѣстны.—Только въ одномъ случаѣ мы имѣемъ возможность назвать автора житія. Житіе Исаака Гарима, одного изъ девяти преподобныхъ, прямо выдаетъ себя за произведеніе Иоанна, епископа Аксумскаго, извѣстнаго писателя и современника папа Зара-Якова. Вѣроятно ему же принадлежитъ и житіе другого изъ девяти преподобныхъ—Пантелеимона, помѣщенное въ сборникѣ „житій мучениковъ“ въ рукописи № 110 коллекціи d'Abbadie, гдѣ оно приписывается „православному епископу Аксума“.

Такимъ образомъ, авторами житій были монахи и вообще духовныя лица, начитанныя въ Св. Писаніи, знаявшіе наизусть псалтирь и Евангеліе, перечитавшіе агиологическую и апокрифическую литературу, знакомые и съ отцами церкви.

Это не могло не отразиться на содержанії и формѣ ихъ писаній. Мы видѣли, что житія писались въ монастыряхъ, бывшихъ мѣстами подвиговъ святыхъ, уже въ послѣдній періодъ ихъ жизни; писались они не всегда тотчасъ по кончинѣ и не всегда непосредственными учениками, писались лицами, которые если и не были сами свидѣтелями подвиговъ святыхъ, то могли узнать о нихъ или изъ разсказовъ у старцевъ, или изъ монастырскихъ записей. Но свѣдѣнія такимъ путемъ они могли получить большей частію опять-таки только о жизни святыхъ въ монастырѣ. Что было до этого, для нихъ не всегда было возможно узнать. Вотъ почему части, повѣствующія о до-монастырскомъ періодѣ жизни святыхъ отличаются нерѣдко шаблонностью и изобилуютъ общими мѣстами.

Здѣсь-то именно и оказываетъ услугу авторамъ ихъ начитанность. Мотивъ праведности родителей и „не бѣ има чада“ подозрительно часто находитъ себѣ мѣсто въ житіяхъ; онъ идетъ, конечно не столько отъ пр. Самуила и Иоанна Крестителя, сколько отъ Макарія Египтіанина, Даніила Столпника и, особенно, Шенути. Исторія воспитанія также рассказывается по общему образцу: отведеніе къ мамхеру, псалтирное чадство, поставленіе во діакона. Это—уже європскія черты, но не чужды и другихъ странъ христіанскаго Востока. Иногда обстоятельства рожденія и воспитанія излагаются съ большими подробностями. То напр., что мы читаемъ въ житіяхъ Евстаѳія и, особенно, Габра-Манфасъ Кедуса, сильно напоминаетъ сказанія о рождествѣ Богородицы; искусственный характеръ имѣеть и разсказъ о воспитаніи Филиппа и его вопросахъ къ учителю и т. д. Но и въ дальнѣйшихъ частяхъ изложенія авторы не освобождались отъ вліянія переводной литературы. Безчисленныя чудеса святыхъ, нерѣдко повторяющіяся въ разныхъ житіяхъ, напоминаютъ иногда наши четви-минеи и коптскіе агіологические памятники. Чудесныя насажденія и возрастанія деревьевъ встрѣчаются между прочимъ мѣжду житіемъ Макарія Александрийскаго¹⁾ и Шенути;²⁾ столь частое чудо остановленія солнца разсказывается и въ житіи египетскаго подвижника Патермуѳія,³⁾ перенесенія съ мѣста на мѣсто облакомъ также удостоился Шенути,⁴⁾ персты „сіаютъ, какъ свѣтильники“ не только у девяти преподобныхъ, но и у того-же Шенути⁵⁾; Макарій египетскій старается получить свыше откровеніе путемъ двухнедѣльного поста совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ Валатта-Петросъ,

¹⁾ Четви-минеи подъ 19 января.

²⁾ Арабское житіе изд. Amélineau, *Monum... de Caire IV*, p. 303.

³⁾ Четви-минеи іюля 9.

⁴⁾ *Monuments de la mission de Caire p. IV*, p. 13, 34, 36.

⁵⁾ Ibid. p. 4 и 453 (арабское житіе).

Шенути молится, стоя по шею въ водѣ¹⁾, подобно Габра-Эндреясу и Маба-Сиону. Звѣри являются погребать Авву Михея, какъ это разсказано о Павлѣ Оивейскомъ. Но особенно напоминаютъ православныя и коптскія житія повѣствованія о послѣднихъ минутахъ жизни святыхъ. Здѣсь все сходно: и возвѣщеніе свыше о приближеніи времени отшествія, и плачъ братіи и духовныхъ чадъ, и увѣщаніе хранить постановленія, и предсмертныя наставленія, и явленіе ангеловъ и святыхъ за душой отходящаго святого. Неизбѣжный „зavѣтъ“, еретичный съ православной точки зренія и едва ли безупречный съ коптской, конечно, нашель себѣ особенно благопріятную почву въ європскомъ суевѣріи, но и онъ едва ли былъ на ней туземнымъ растеніемъ. По крайней мѣрѣ, въ коптскихъ чудесахъ св. великомученика Георгія, пользующихся въ Абиссиніи въ переводѣ широкимъ распространеніемъ мы читаемъ м. пр.: „кто будетъ описывать страданія твои и чудеса, чтобы явить твою славу.... Я впишу имя того въ книгу живота....²⁾ и т. д. Даже литературная форма иногда обличаетъ заимствованія, доходя до буквального тожества, особенно въ такихъ мѣстахъ. Если бы мы не знали, что слова: „ты уходишь, оставляешь насъ сирими! гдѣ найдемъ мы подобного тебѣ наставника, питавшаго насъ“.... взяты изъ прощенія духовныхъ чадъ съ Шенути,³⁾ мы бы, конечно, приняли ихъ за мѣсто изъ європскаго житія. А эта неизбѣжная фраза, повторяющаяся послѣ каждого разсказа о явленіи Спасителя: „сказавъ сіе, вознесся на небеса съ великою славою“ развѣ не общая греческому житію Паисія Великаго,⁴⁾ копто-

¹⁾ Ibid. p. 306 (арабское житіе).

²⁾ Amélineau, *Contes et romans de l'Egypte Chrétienne*. Par. 1888, II, 210—11.

³⁾ I. c., p. 90.

⁴⁾ Четви-минеи, іюня 19. И. В. Помяловскій, Житіе пр. Паисія В. стр. 9, 18.

арабскому—Шенути¹⁾, и всѣмъ эеюпскимъ? Наконецъ вступленія къ нѣкоторымъ эеюпскимъ житіямъ, представляющія длинныя, иногда безконечныя славословія или догматические экскурсы въ честь Св. Троицы также находятъ себѣ прототипъ въ копто-арабской литературѣ, хотя бы напр. въ исторіи видѣнія епископа Феодосія²⁾.

Эти длинныя хвалебныя вступленія развились изъ обычного въ книгахъ начального: „во имя Отца и Сына и Св. Духа, Единаго Бога, начинаемъ.... и т. д., и по длине колеблются между нѣсколькими строчками и нѣсколькими десятками страницъ. Между краткимъ: „во имя Св. Троицы, Единаго Бога повѣсившаго небо, какъ кожу и утвердившаго землю на водахъ, Ему же слава во устахъ всѣхъ во всѣй вѣковъ“ житія Такла-Хайманота, изданного Conti Rossini, и безконечными богословскими разсужденіями въ началѣ житія Лалибалы, заключающими въ себѣ м. пр. цѣлый трактатъ о жизни Спасителя, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ вступленій этого рода самыхъ разнообразныхъ формъ и объемовъ. Умѣренно по длине изящное стихотворное вступленіе къ житію За-Микаэля Арагави, а также—къ житію Евстаѳія, въ переводу котораго, какъ образцу подобного рода текстовъ, мы и отсылаемъ интересующихся. Славословія каждое Лицо Св. Троицы отдельно, агіобіографъ старался отличиться своей богословской начитанностью и находчивостью и блеснуть способностью къ стихосложенію, которое онъ пускалъ въ ходъ нерѣдко и въ самомъ житіи, прибѣгаючи къ нему, напр., въ началѣ новыхъ отдельствъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ одномъ изъ житій Евстаѳія онъ вставилъ хвалебныя четверостишия въ честь его. Часто стихами заканчиваются отдельствъ, иногда даже пишутъ ими цѣлые хвалебные трактаты. Но не всѣ

¹⁾ I. с. p. 469.

²⁾ Amélineau, Contes etc. p. 153—6.

авторы житій ограничиваются этими вступленіями и не всѣ къ нимъ прибѣгаютъ. Нѣкоторые присоединяютъ еще хвалебныя строки въ честь своихъ обителей. По задушевности и восторженности чувства эти мѣста ихъ твореній стоять высоко и заслуживаютъ нашего вниманія. Приведу для примѣра такое вступленіе къ житію Аарона Дивнаго съ его страхами, посвященными монастырю Дабра-Дарэтъ:

„Избралъ Богъ Дарэтъ, гору святую и тучную, помѣщенную противъ солнца, подобную саду Эдемскому, который насадилъ Вышній и въ которомъ онъ помѣстилъ всѣ деревья прекрасныя видомъ и сладкія вкусомъ и приятныя благоуханіемъ. Были тамъ съ краснымъ стволомъ, съ зелеными и бѣлыми плодами, и древо жизни, которое научало добромъ и лукавому (sic!)—одно, подобно саду. И Онъ воцарилъ тамъ Адама, чтобы юсть отъ плодовъ его. Садъ—это церковь, а царствуетъ въ ней вмѣсто Адама отецъ нашъ Петръ, верховный Апостоль и послѣдователь Петра—отецъ нашъ Ааронъ Дивный дабра-даретскій, глава и свѣтъ Дабра-Дарета, который насадилъ тамъ прекрасныя древеса, высокій лѣсъ, гдѣ устроенъ садъ его. Это—Антоній и Даміанъ, Габра Назарависъ, Іоаннъ Кама, Андрей и Іасу, Самро-Леуль и Зенан-Маркость и Хабта-Марьямъ. Кости ихъ—какъ песокъ вскрай моря и какъ деревья и трава пустыни, какъ сказалъ пророкъ: „праведникъ, яко кедръ въ Ливанѣ; насаждени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтуть; еще умножатся въ старости мастины и благопріемлюще будутъ“. И что касается собранныхъ въ семъ святилищѣ многихъ святыхъ, какъ рыбы въ морѣ полномъ, то кости ихъ въ сердцѣ сего святилища; ихъ собрала труба проповѣди его, когда они услыхали кимваль вѣщенія объ Ааронѣ Дивномъ, который наставлялъ сердца, какъ набла для слуха и былъ, какъ медъ сладокъ для тѣхъ, которые родились отъ него схимой“.

Не менѣе восторженно привѣтствуя свой монастырь

авторъ житія Филиппа, „предпосылая“, по его собственнымъ словамъ эти похвалы житію. Но еще раньше ихъ, онъ въ своемъ предисловіи распространяется о дарахъ Духа Свя-того и призываетъ Его на помощь въ предпринятомъ трудѣ, прося „управить путь слова“ ¹⁾. Авторы житій Абія-Эгзіэ и Валатта-Петросъ составили длинные прологи къ своимъ тру-дамъ довольно оригинально и не шаблонно, обойдясь безъ традиціонныхъ богословскихъ разсужденій о Св. Троицѣ. Первый, послѣ заглавія и известнаго намъ изложенія исто-ріи происхожденія своего труда, начинаетъ: „и теперь, могу-ли я одинъ возвѣстить о праведномъ, будучи лѣнивъ и не-бреженъ? Но все же я повѣдаю и скажу псалмомъ Давида... отверзу въ притчахъ уста моя, провѣщаю гананіе исперва“... Послѣ нѣсколькихъ другихъ цитатъ, онъ переходитъ къ длин-ному похвальному слову въ честь святого, начиная съ тѣхъ похвалъ, которыхъ сами собой напрашиваются, благодаря его и-мени. „Воистину съмъ доброе сей отецъ нашъ Абія-Эгзіэ (= „великій у Бога“), великъ во смиреніи и страхѣ Божіемъ сей отецъ нашъ Антоній, какъ сказалъ Давидъ: „велій Гос-подь и велія слава Его“.... и т. д. Продолжая восхвалять святого при помощи разнаго рода сравненій и цитатъ изъ Св. Писанія, авторъ затѣмъ восклицаетъ: „возвратимся къ начальному повѣствованію. Разсказать ли намъ, какъ жилъ онъ въ монастыряхъ, или какъ блуждалъ по горамъ, какъ ска-залъ Давидъ: „привитай по горамъ, яко птица“? Или какъ обходилъ онъ пустыни разсказать намъ, или какъ онъ жилъ въ монастыряхъ въ воздержаніи, разсказать намъ, какъ ска-залъ Давидъ: „колѣна мое изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елеа ради“? Или разсказать намъ, гдѣ стояль онъ на молитвѣ и пѣніи псалтири, или гдѣ проливалъ онъ

¹⁾ См. въ приложении полный переводъ житія. Укажемъ еще, какъ образецъ восхваленія монастыря,— длинное сравненіе Дабра-Марьямъ со всѣми священными горами—въ житіи Евстафія.

слезы какъ ручью воды, разсказать намъ, какъ сказалъ Да-видъ: „слезами моими постелю мою омочу“.... и т. д. Та-кимъ образомъ, авторъ все еще не переходитъ къ дѣлу, а про-должаетъ восхваленія, которые идутъ еще нѣсколько стра-ницъ. Напр., „подобно отцу нашему Аврааму, который жилъ въ шатрахъ и не строилъ домовъ, жилъ и отецъ нашъ Абія-Эгзіэ, блуждая по пустынямъ, вертепамъ и пропастямъ земнымъ, и жилъ въ напастяхъ, въ пощеніи многомъ, хо-лодѣ, наготѣ, покрываемый сѣнью Святаго Духа, какъ ска-залъ Павель, потокъ премудрости, въ посланіи къ евреямъ: „вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемъ и единороднаго приношаще, обѣтованія пріемный“ (11, 17). Такъ и сей свя-тый отецъ нашъ Абія-Эгзіэ жилъ, и преселился и пошелъ въ Вальдеба и Цагаде — обители святыхъ, которые отвергли и возненавидѣли сей міръ тѣлѣнныи, ища спасенія души своей. И были ему, какъ братья львы и тигры, и слоны, и всѣ звѣри, и повиновались ему. И какъ авва Іохани, который собралъ себѣ праведность у всѣхъ святыхъ и былъ равноангеленъ жи-тіемъ, не ъль варенаго на огнѣ и не ходилъ подъ крышу дома, и которому даны были крылья жизни, какъ ангеламъ, и ко-торый достигалъ страны живыхъ въ три полета, такъ и сей отецъ нашъ святый Абія-Эгзіэ выростилъ въ сердцѣ своеемъ крылья жизни, и была жизнь его во смиреніи, и онъ не го-ворилъ о прелестяхъ міра, не взиралъ на роскошь и при-страсія, но всегда былъ готовъ къ молитвѣ и былъ непо-колебимъ, какъ столпъ въ стояніи многомъ, и проливалъ слезы, какъ воду, какъ сказалъ Давидъ: „насаджени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ“. Воистину сей отецъ нашъ Абія-Эгзіэ процвѣлъ въ раю сладости, гдѣ протекаютъ рѣки раб: Фисонъ, Геонъ, Евфратъ и Тигръ.... Итакъ, приидите приготовимся къ восхваленію сего отца, на-шего святого Абія-Эгзіэ, украшенного Духомъ Святымъ, ко-тораго не коснулась плотская нечистота. Приготовьтесь чада

брана послушать повѣсть о рабѣ брака. И я возьму струны у Давида пѣвца и пророчество у Моисея Левіина и повѣсть у повѣствователя, и пѣснь, какъ Соломонъ, и гусли, какъ Эздра, возглашая предъ рабомъ Жениха, симъ отцомъ нашимъ святымъ Абія-Эгзіѣ. Придите чада, великие и малые послушать какъ будетъ ублажаться въ семъ святилищѣ отецъ вашъ іерей Духомъ Святымъ. Придите мужи и жены святых и святые вѣрные въ сю церковь, чтобы послушать повѣсть о семъ отцѣ нашемъ святомъ Абія-Эгзіѣ. Придите монахи и пустынножители послушать, какъ жилъ онъ въ пустынѣ, чтобы укрѣпились сердца ваши слушаниемъ повѣсти о немъ, и вы сдѣлались тверды. Придите монахи, которые въ монастыряхъ, послушать о красотѣ воздержанія сего отца нашего святого Абія-Эгзіѣ, и будетъ пребываніе ваше въ мирѣ. Придите цари и вельможи послушать слово Писанія и слово монаховъ и іереевъ при восхваленіи сего отца вашего святого Абія-Эгзіѣ, когда будутъ возглашаться подвиги его и житіе его сладостное, приправленное солю божественною, и вы возврашуетесь, слушая, чтобы укрѣпилась палата царствія вашего молитвами его. И не говорите: „мы—больше его и мы славны славою царствія нашего“; не говорите такъ. Развѣ не больше палата царствія небеснаго земной? Если вы вѣруете въ молитву святыхъ, вы побѣдите враговъ и супостатовъ вашихъ и получите оба царствія—и земное и небесное. Придите сеюмы и суды послушать подвиги сего отца нашего святого Абія-Эгзіѣ и возврадуйтесь, слушая ихъ, чтобы укрѣпились сердца ваши въ дѣланію добра и чтобы вы научились страху Божію. И не говорите: „могучи мы и сильны, и великая почесть у насъ на землѣ, и мы славнѣе и лучше ихъ“. Не говорите такъ. Развѣ вы не слыхали, что говорить Писаніе: „праведные лучше золата и сребра“? И другое писаніе говоритъ: „горы юдолей да услышатъ“. Еще говоритъ: „всемеро больше солнца просятъ лица ихъ, и велика благодать имъ у наставника

ихъ“. Придите юноши и дѣвы, вдовы и вдовы послушать подвиги сладостные отца нашего святого Абія-Эгзіѣ, чтобы утѣшилось вдовство и монашество ваше, и юноши — чтобы вы возврасли въ дѣланіи добра и научились слову жизни. Придите отцы наши святые послушать повѣсть о праведномъ и станьте во благомъ помышленіи, ибо се уготованъ бракъ и мы призваны, и великое воскликновеніе происходитъ ради повѣсти о праведномъ. Придите старцы, чтобы повѣдать намъ житіе святого. И отецъ нашъ Ираклидъ приготовился со тщаниемъ повѣдать намъ точно, а мы записали со вниманіемъ.“

Если авторъ этого длиннаго вступленія поставилъ своею задачей похвалу святому и приглашеніе людей всѣхъ сословій и возрастовъ на его память и слушанье его житія на пользу душевную, и лишь вскользь коснулся своего недостоинства быть жизнеописателемъ святого, то авторъ житія святой Валатта-Петроſъ почти исключительно занять послѣднимъ. Послѣ краткой молитвы и уже приведенного нами изложенія обстоятельствъ, при которыхъ онъ взялся за свой трудъ, онъ приводитъ текстъ о свѣтильнике, свѣтищемъ всѣмъ иже въ храминѣ суть, и градѣ, верху горы стоящемъ, и уподобляя имъ житіе святой, говоритъ, что онъ нечистый и недостойный даже произнести имя святой, рѣшается писать ея житіе потому, что онъ можетъ такъ же сотворить доброе дѣло, какъ „дѣлаютъ его три работника, существующіе въ мирѣ.... Они угождаютъ человѣку, дѣлая добро, будучи отвратительны и дурны и нечисты по природѣ своей; это—пчела, осель и песь. Изъ чистыхъ пчела дурна, и горекъ ядъ ея, и если она ужалитъ человѣка, онъ сильно страдаетъ, но служба ея ради человѣка. Она уходитъ въ пустыню, бдитъ и собираетъ плоды цвѣтовъ. Потомъ она спускается къ водѣ, черпаетъ ея и приносить ко всему, что хорошо для обработки, не лѣнится, но бдитъ и приносить отъ этого и обрабатываетъ или въ ульѣ, или въ скалѣ, или въ дуплѣ дерева,

гдѣ сама живетъ. И когда сойдетъ на нее благословеніе свыше, дѣлается медъ сладкій. И если подойдетъ къ ней человѣкъ, будь это хозяинъ или чужой, она жалитъ и не щадитъ никого и не стыдится. Тѣ, которые знаютъ ея свойство и занимаются ею, подкуриваютъ ее, и она бѣжитъ отъ страха дыма, удаляется и оставляетъ медъ. Тогда они берутъ его отъ нея и услаждаются, вкушая и обоняя его. И радуется сердце царей и вельможъ, когда приготовляютъ медъ для питія, а воскъ дѣлается свѣтильникомъ для церкви и дворца, и не пренебрегаютъ медомъ изъ-за боли отъ яда пчелы, а та не покидаетъ и не мстить, когда у нея отнимаютъ его, и не бросаетъ его выдѣлки, но отправляется на другой же день по обычаю, ибо подчинена она человѣку. Такъ и я, будучи худымъ по дѣламъ и уязвляя людей языкомъ своимъ и причиня имъ сильную боль, ради утѣшениія вашего собралъ отъ Святыхъ Писаній и словъ премудрыхъ отцовъ и написалъ житіе матери нашей святой Валатта-Петросъ, которое слаше меда и услаждаетъ сердца людей. И осель нечисть, однако онъ носитъ священные предметы дома Божія и пищу людей. И не бросаютъ ихъ ради его нечистоты, но принимаютъ то, что служить для дома Божія и то, что необходимо для пропитанія. Такъ и я несу избранный предметъ и пищу духовную — подвиги и исправленія матери нашей благословенной Валатта-Петросъ. И песь нечисть, но онъ ходить въ пустыню на охоту съ хозяиномъ. И если онъ увидитъ дикую козу или другое животное пустыни, или ястреба, или другую изъ птицъ небесныхъ стѣдобныхъ, онъ бодро бѣжитъ и хватаетъ. И то, что схвачено ртомъ пса, есть его хозяинъ, и не выбрасываетъ изъ-за нечистоты пса. Такъ и я охочусь въ Св. Писаніи за житіемъ и святостью изрядной и блаженной матери нашей Валатта-Петросъ и пишу вамъ. Вы же примите съ вѣрою, какъ жертву чистую, подобно тѣлу и крови Спасителя (sic!), говоря: аминь! амины! И не отвергните

ради нечистоты моей. Развѣ не говорить ветхій завѣть: „нашелъ Самсонъ медъ въ пасти мертваго льва, котораго онъ самъ убилъ, и съѣлъ его, о чемъ самъ составилъ притчу: „отъ ядущаго ядомое изыде, и отъ крѣпкаго изыде сладкое“ (Судей 14, 14), и затѣмъ, когда жаждалъ и былъ близокъ къ смерти, помолился Богу, и Онъ излилъ ему сладкую воду изъ челюсти осла, и онъ пилъ, и вернулась къ нему душа его, и онъ изрекъ притчу: „питіе во время жажды, и оружіе для битвы“ ¹⁾). Иліи пророку вороны носили пищу каждый день, и онъ ъѣлъ и не гнушился. Если эти святые не гнушились этой нечестью, то и вы не гнушиайтесь этимъ житіемъ, вышедшими изъ моихъ нечистыхъ устъ. Я не достоинъ братицъ за это, будучи грѣшникомъ и нечестивымъ, ибо святое святымъ, а чистое — чистымъ, но повелѣваетъ мнѣ любовь къ ней написать вамъ немногое изъ многаго по мѣрѣ скучности моего знанія и убожества мысли и по мѣрѣ того, сколько можно прослушать, подобно тому, какъ птица dembis, спускалась къ безднѣ морской, ъѣсть столько, сколько вмѣстить ея желудокъ. И нынѣ, о мужи, возлюбленные Господомъ, пришедшіе изъ дальней страны и живущіе въ пустынѣ сей, монахи и монахини, откройте окна ушей вашихъ и отверзите сердца ваши, чтобы слушать это сладостное житіе, которое я написалъ для васъ“... (слѣдуетъ Пс. 43, 1—5). „Прежде всего возблагодарю Бога, сподобившаго меня написать сию книгу не по достоинству моему и не въ пору мнѣ, неразумному изъ неразумныхъ, какъ сказалъ Господь нашъ во Евангелии „исповѣдаются Тебѣ, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благовolenіе предъ Тобою“. И я молюсь и прошу Его, да поможетъ мнѣ и дастъ мнѣ силу слова, которое я возглашу отъ

¹⁾) Этого изреченія нѣтъ въ книгѣ Судей.

начала до конца, чтобы не осмѣяли меня и не говорили: „этотъ человѣкъ началъ строить и не можетъ кончить. Слабъ я сердцемъ, а тѣхъ много, которые желали писать и не написали, ибо не пришелъ часъ и день, благоугодный Богу. Посему мы пребывали въ великой печали, что не было у насть написано повѣтствованіе о матери нашей святой Валатта-Петроcъ и изрядныхъ дѣяніяхъ ея и чудесахъ, которыхъ она совершила при жизни своей и по успеніи сооемъ“.

Эти и подобныя вступленія опредѣленно говорять и о томъ, что интересующе насть памятники эѳіопской письменности помимо своего назначенія—быть данью памяти святого со стороны его почитателей и средствомъ сохранить память о немъ, имѣли и литургическое—они должны были прочитываться въ церкви въ ночь на его праздникъ. Такимъ образомъ, они были не только историческими трудами, но и гомилетическими; трудъ Іоанна Аксумского прямо называется dersän — терминомъ прилагаемымъ весьма часто къ проповѣдямъ¹⁾). Сообразно такому назначенію и форма, въ которую абиссинские агіобиографы облекали свои писанія, нерѣдко приспособлялась къ произнесенію въ церкви, принимала внѣшніе признаки проповѣди. Уже приведенные нами вступленія по преобладанію риторики достаточно характерны въ этомъ отношеніи. Въ самомъ текстѣ основныхъ частей житій также мы находимъ весьма часто слѣды заботливости ихъ авторовъ о пригодности ихъ произведеній для назиданія вѣрующихъ съ церковной каѳедры. Такъ, новые отдылы ихъ они начинаютъ не только: „возвратимся къ основному повѣтствованію“ историческихъ текстовъ, но и различными обращеніями къ слушателямъ, въ родѣ, напр.: „возстаните, сынове свѣта, на ноги помышленій вашихъ, пріайдите и видите, какъ изгнанъ былъ Ааронъ наставникъ вашъ!... или: „и нынѣ да слушаетъ

¹⁾ Точно также пространное житіе Іареда въ коллекціи d'Abbadie (Catal. rais., № 227, р. 220) названо этимъ терминомъ.

плѣненіе Аарона книгу подвиговъ его и изрѣченія словесъ его, безъ сомнѣнія и смущенія, вѣру въ молитву наставника своего, да слушаетъ и дивится всему тому, что совершилъ для него Богъ“. Или: „далѣе разскажемъ повѣсть о семъ блаженномъ Евстаѳіи, свѣтилѣ свѣта утреннемъ, человѣкѣ смертномъ и мужѣ небесномъ и земномъ Ангелѣ“... и т. д. Эти вставки большою частью имѣютъ стихотворную форму виршей. Нерѣдко послѣ разсказа о какомъ-либо чудѣ или особенномъ подвигѣ, авторъ присоединяетъ болѣе длинное обращеніе къ предстоящимъ назидательного или панегирическаго (въ честь празднуемаго святого) характера. Такъ, напр., разсказы о незлобіи и смиреніи Валатта-Петроcъ, служившей сварливой монахинѣ, онъ начинается: „видите, возлюбленные каковой даръ былъ данъ ей! О смиреніе, равное этому смиренію! О доброта, сравнивая съ ея добротой! О терпѣніе, подобное сему терпѣнію! Будучи госпожей, она сама добровольно стала служить нисшай себѣ, оскорблявшей ее, да получить вѣнецъ терпѣлихъ мучениковъ. Ибо тотъ, кто любить пчель, вкушаетъ медъ, а кто не любить и бѣжитъ отъ нихъ, тотъ его не вкушаетъ. Также и мать наша святая Валатта-Петроcъ возлюбила эту старуху и подчинилась ей, ибо въ рукахъ у нея была сладость небеснаго царствія. Если бы она не подчинилась старухѣ, ей бы самой не подчинились цари и вельможи и не побѣдили бы они демоновъ, какъ сказано въ „Старцѣ Духовномъ“. Если бы Іосифъ не подчинилъ себя закону рабства, онъ не сдѣлался бы владыкой надъ землей египетской. И Павелъ говоритъ: „тѣлесное обученіе въ малѣ есть полезно, а благочестіе на все полезно есть; обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго“ (І Тим. 4, 8). Увы намъ, горе намъ, не поступающимъ такъ! Мы не смиряемъ себѣ, оставляя ненавидящимъ и проклинающимъ насть, а тѣмъ, которые хвалятъ и благословляютъ насть, мы не служимъ должнымъ образомъ, говоря, что мы больны,

когда мы здоровы, что мы устали, когда въ силахъ, и измыслия много предлоговъ".—Иногда такія отступленія искусственно связываютъ съ исторической частью житія. Такъ, рассказавъ о чудѣ Абія-Эгзіѣ, отвратившаго градъ, повѣствователь продолжаетъ: „и сказали видѣвшіе: видѣли ли вы изрядство сего отца нашего Абія-Эгзіѣ, какъ повинуются ему градъ и тучи? И особенно онъ удивилъ и изумилъ меня ради сего града и тучъ, которые остановились и не упали на землю, но остались вверху. У боящагося Господа конецъ благій и возвѣстится въ родъ и родъ память его. И отецъ нашъ Самуилъ, сынъ сестры отца нашего святого Абія-Эгзіѣ былъ чудотворецъ, какъ отецъ его и мать его, какъ сказалъ Давидъ: „родъ праведныхъ благословится. Слава и богатство въ дому его". Воистину славны и велики у людей и ангеловъ тѣ, которые приносятъ плоды добрые и тѣ, которые не жадны до юды и питія, чтобы войти въ животъ вѣчной". Конечно отъ этой же причины проистекаетъ обиліе цитатъ изъ Св. Писанія, щедро приводимыхъ повѣствователями по всякому болѣе или менѣе удобному слушаю. Вѣдь и въ настоящее время у многихъ избытокъ текстовъ считается преимуществомъ хорошей проповѣди. Впрочемъ, характерно то обстоятельство, что большую частью обиліе гомилетическихъ мѣсть и библейскихъ и др. цитатъ находится въ обратнопропорціональномъ отношеніи къ содержательности житія и его важности для историка. Житіе Валатта-Петросъ представляеть въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Кромѣ цитатъ изъ каноническихъ книгъ, мы встрѣчаемъ иногда и ссылки на апокрифы, пользовавшіяся у эвіоповъ большими уваженіемъ, почти наравнѣ съ первыми, подъ именемъ „81-ї книги". Особенно любитъ ихъ житіе Евстаѳія. Несмотря на духовное происхожденіе агіобіографовъ, эти цитаты далеко не всегда точны и правильны: онъ дѣлались по памяти и часто уклоняются отъ подлинного текста. Только заимствованія изъ

псалтири почти всегда точны, что и понятно въ виду того, что книгу эту всѣ знали наизусть.

Интереснымъ примѣромъ сказанного можетъ служить странное житіе одного изъ учениковъ преподобнаго Евстаѳія—Габра-Іасуса. Память его, конечно, чтилась свято въ его обители; торжественная служба требовала пространнаго житія. Но вотъ, что читаемъ мы въ немъ: „да скажемъ мы о рожденіи и родномъ городѣ сего святого отца душъ нашихъ и о томъ, где онъ былъ воспитанъ. Мы не знаемъ этого, ибо не нашли книги бореній его съ бѣсами и помыслами лукавыми, но слышали мы изъ устъ отцовъ нашихъ, глаголавшихъ Духомъ Святымъ, что родиной отца нашего, отвергшаго пристрастіе міра была страна Вагъ; другіе говорили, что Тигре. Если станетъ изслѣдовать интересующійся и скажетъ: почему не найдено книги бореній его и боролся ли онъ съ демонами и лукавыми помыслами, и были ли записаны доказательства его праведности и доблестей?", мы отвѣтимъ ему и скажемъ: „бореніемъ многимъ боролся онъ, и была написана книга бореній его и положена во храмъ святымъ, воздвигнутомъ во имя Владычицы нашей обѹду естествомъ Дѣвы Маріи Богородицы, и вѣрные брали ее и читали въ день, его и находили въ ней слѣды подвиговъ отца нашего, поискавшаго небеснаго наслажденія, и воспользовались любовью его, ибо думали, что обрѣли его учащимъ, творящимъ чудеса и знаменія и исцѣляющимъ всѣхъ болѣющихъ и недужныхъ. Но послѣ сего всего твердосердечный измаильянинъ, по имени Гранъ, посовѣтовавшись съ бѣсами, своими учителями, какъ древле Діоклетіанъ, убившій чадъ царствія въ Антіохіи, возсталъ, чтобы воевать на царя христіанскаго Эвіопії. И воевалъ онъ, и свергъ его съ престола и гонялъ изъ страны въ страну и потрясь всѣ предѣлы Эвіопії. И разрушилъ онъ церкви, и перебилъ священниковъ, а оставшіеся бѣжали и скитались по островамъ, унеся съ собою святая книги и книги бореній святыхъ

отцовъ, и сохранили ихъ на островѣ. И сю книгу береній отца нашего духовнаго унесли они съ собой и скрыли вмѣстѣ со многими святыми книгами. Послѣ того, какъ судилъ Богъ судъ гнѣва своего на сего невѣрнаго и погубилъ его, и настутили дни мира и покоя и вознесся рогъ христіанъ, собрались іереи и стали искать книгу, которая они скрыли. Они нашли ихъ въ томъ видѣ, какъ положили. Но сей книги береній отца нашего чистаго духомъ они не нашли, хотя и искали. И скорбѣли они великою скорбью, и плакали плачомъ горькимъ. Народу же, когда тотъ спросилъ ихъ: „гдѣ книга береній отца нашего изряднаго подвигами?“—они отвѣтили гласомъ печали и сожалѣнія: „искали мы ее, и не нашли на томъ мѣстѣ, гдѣ положили“. Когда народъ услыхалъ это, заплакалъ плачомъ горькимъ. Потомъ бесѣдовалъ народъ со священниками все время и они говорили: „мы не знаемъ причины исчезновенія, одинъ Господь знаетъ“. Грабитель ли похитилъ ее, или скрылъ завистникъ, чтобы не видѣть свѣта славы отца нашего побѣдителя лукавыхъ помысловъ, какъ говорить Писаніе: „завистливый не увидитъ свѣта“. Нѣкоторые говорили: „она находится въ обители сладостнаго подвигами аввы Нова, который воздвигъ святилище, и крышу чертога Спасителя изъ бѣлаго камня, ибо онъ чудотворецъ“. Но ничто не уменьшаетъ святости сего чистаго старца аввы Габра-Іасусъ, ничто не недостаетъ до прославленія его. Вотъ почему мы не знаемъ въ точности города его рожденія и племени дома его“. Въ этомъ незнаніи авторъ расписывается еще нѣсколько разъ въ книгѣ, извиняя свои недомолвки „скудостью свѣдѣній“ и убѣждая своихъ слушателей не сомнѣваться „изъ-за потери книги береній“. Между тѣмъ книга эта въ томъ или иномъ видѣ была необходима, что видно уже изъ приведенной цитаты. И вотъ, онъ берется за ея составленіе и дѣлаетъ это настолько успѣшно, что изъ подъ пера его выходить трудъ болѣе чѣмъ въ полтораста

страницъ in folio. „Скудость свѣдѣній“ его была дѣйственно полная: онъ оказался въ состояніи привести только два-три чуда, связанныхъ съ основаніемъ монастыря, т.-е. такія, которыя крѣпче другихъ передавались по традиціи среди братіи. Но онъ и не измышлялъ фактovъ; въ нѣкоторыхъ слушающихъ онъ прибѣгаеть къ общимъ мѣстамъ, но главнымъ образомъ заполняетъ свои полтораста страницъ, слѣдуя по пути столь же странному для историка, сколь удобному для проповѣдника. Начавъ съ того, что Габра-Іасусъ былъ ученикомъ Евстаѳія, онъ говоритъ: „прежде всего, послушаемъ о православіи въ сокровищницахъ вѣры, т.-е. церкви“... ибо „авва Габра-Іасусъ—основаніе вѣры“. Посвятивъ подъ этимъ предлогомъ нѣсколько страницъ изложению Христіанскаго вѣроученія, онъ обращается къ призыванію мучениковъ, пострадавшихъ ради вѣры и вообще всѣхъ свидѣтелей вѣры ветхаго и нового завѣта. Потомъ идетъ пространная духовная родословная святого съ цѣлыми экскурсами о ея членахъ. Наконецъ, употребивъ на все это около двухъ третей „житія“, онъ, послѣ приведенного текста, переходитъ къ разсказу, причемъ на каждомъ шагу дѣлаетъ гомилетическую и другія отступленія и злоупотребляетъ обиліемъ текстовъ. Такъ, онъ по поводу неизвѣстности мѣста рожденія святого доказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ, что и со многими великими святыми дѣло обстоитъ не лучше; при разсказѣ о томъ, какъ Габра-Іасусъ сдѣлался ученикомъ Евстаѳія, онъ прибавляетъ, вѣроятно отъ себя, длинное общее мѣсто о сомнѣніяхъ святого, отъ Бога или діавола ученіе Евстаѳія; далѣе онъ прямо переписываетъ цѣлые страницы изъ житія Евстаѳія на томъ основаніи, что Габра-Іасусъ былъ его постояннымъ спутникомъ, причемъ по поводу хожденія по водамъ даже пускается въ назидательный экскурсъ о силѣ вѣры. Говоря о псы, служившемъ Габра-Іасусу, онъ вспоминаетъ всѣхъ животныхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ святымъ и т. д. Наконецъ, когда и этого всего оказалось недостаточно,

онъ присоединилъ къ этому „житію“ длинное похвальное слово. При всемъ этомъ онъ обнаружилъ большую начитанность въ писаніи, житіяхъ святыхъ и вообще монашеской литературѣ.

Панегирическій элементъ въ житіяхъ, конечно, занимаетъ видное мѣсто, и это вполнѣ понятно и естественно. Но нѣрѣдко онъ переходитъ всякия границы дозволенного и возможнаго. Свойственная всему востоку неумѣренность въ этомъ отношеніи проявляется здѣсь часто въ дикихъ, а то и кощунственныхъ формахъ, на помощь является монастырской патріотизмъ или сектантская тенденціозность. Рѣдкій агіобіографъ не срѣмится выставить своего святого болѣе прославленнымъ, высокимъ, чѣмъ другіе, въ лучшемъ случаѣ эѳіопскіе, и въ худшемъ—вообще всѣ святые, не исключая пророковъ и апостоловъ. И этого онъ достигаетъ не только подгоняя и группируя факты и легенды, но также разсказывая о необычайныхъ откровеніяхъ и не останавливаясь предъ злоупотреблениемъ именемъ Божіимъ. Даже такой почти неизвѣстный святой, какъ подвижникъ Габра-Эндрея, житіе которого имѣется пока въ одной краткой рукописи, встрѣчается по кончинѣ соборомъ всѣхъ святыхъ, которые вводятъ его въ Іерусалимъ небесный и „садять на престолѣ высокомъ и превознесенному“ рядомъ съ апостоломъ Петромъ¹⁾. Духовныя чада аввы Евстаѳія рассказываютъ о многократныхъ явленіяхъ ему Спасителя, сначала сдѣлавшаго его равноапостальнымъ съ правомъ судить вмѣстѣ съ нимъ на тринадцатомъ престолѣ, потомъ передавшаго ему въ наслѣдіе „весь міръ“; въ уста монаха другого устава влагаютъ они разсказъ о небесной славѣ ихъ учителя: онъ сидѣть на самомъ высокомъ престолѣ и ходитъ съ семью архангелами „улучивъ великую благодать, которая не дана другимъ монахамъ Эѳіопії“²⁾. Этого мало—Сама Богоматерь

¹⁾ Рукоп. Orient. 702 Брит. М. f. 182.

²⁾ Чудо восьмое по рукописи Orient. 705.

ходатайствуетъ предъ нимъ за грѣшнаго монаха¹⁾, чествованіе памяти его спасло даже „неправеднаго, хищнаго душетубца и лживаго“²⁾. Такла-хайманотовцы рассказываютъ о томъ, какъ ихъ наставникъ былъ самимъ Богомъ поставленъ новымъ апостоломъ съ архіерейскими полномочіями; кроме того одинъ изъ нихъ, постигшійся при его четвертомъ преемникѣ Феодорѣ, имѣлъ видѣніе, которое открыло ему небо съ престолами святыхъ; средній, самый высокій и „весьма славный“ принадлежалъ Такла-Хайманоту, лицо котораго сияло, какъ солнце, а глава была украшена вѣнцомъ³⁾. Почести, которыхъ удостоился на небесахъ Маба-Сіонъ, были таковы, что возбуждаются ропотъ другихъ святыхъ, потрудавшихся раньше него⁴⁾.

Но все это оказывается еще умѣреннымъ при сравненіи съ тѣми несообразностями, до какихъ дошли агіобіографы Габра-Манфасъ-Кеддуса. Чествованіе памяти его само по себѣ спасаетъ даже отчаянныхъ грѣшниковъ; оно оказывается не только равносильнымъ посту, молитвѣ и чистотѣ, но даже дѣйствительнѣе ихъ. Наконецъ, въ послѣднемъ „чудѣ“ житія, онъ самъ объявляется выше всѣхъ святыхъ, и его кончина сопровождается содроганіемъ всей природы. Въ виду интереса, какой можетъ представить это „чудо“ для характеристики чудовищности пріемовъ эѳіопскихъ начетчиковъ, я рѣшаюсь привести его въ переводѣ⁵⁾.

„Въ день смерти его плакало 60 львовъ и 60 леопардовъ, плакали горы и холмы, плакали птицы небесныя, пемеркло солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесныя, тряслась земля, трепетали громъ и молнія. Въ этотъ день пришли Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, пришли 4 животныя, носящія престолъ,

¹⁾ Чудо седьмое, ibid.

²⁾ Чудо четвертое, ibid.

³⁾ Чудо, стоящее на концѣ житія по рукоп. 137. Пар. Нац. Біб.

⁴⁾ Budge, The lives of Maba-Seyon and Gabra-Krestos, p. 33, текста.

⁵⁾ По рукоп. 137 Париж. Нац. Бібл. f. 152 sq.

пришли 24 старца небесныхъ пришло 59 чиновъ ангельскихъ и 15 пророковъ, пришли и 12 апостоловъ отъ Стефана первомученика до Петра патріарха (*līqa rāpāsāt*), совершившеля свидѣтельства. Пришли всѣ святые съ отпомъ ихъ Антониемъ, которые были до сего дня. Пришли младенцы и пришли всѣ святые отъ Адама, и были (съ нимъ) до смерти его. И усугубили эти львы и леопарды и птицы небесныя плачъ свой, и говорили горы и холмы: „онъ не ъль ни листьевъ, ни плодовъ нашихъ, и травы не ъль онъ съ насъ“. И вода плакала и говорила: „онъ не пилъ и не вкушалъ отъ меня“. Птицы небесныя говорили: „мы жили, упиваясь сладостью его благовонія“. Львы и леопарды говорили: „мы жили, питаясь прахомъ ногъ его“. И сказалъ отецъ нашъ этимъ птицамъ и звѣрямъ: „чего вы плачете? Если я и умираю, какъ человѣкъ, я все-таки не буду погребенъ въ землѣ во гробѣ, но взойду на небеса въ томъ видѣ, какъ я (теперь) нахожусъ“. И сказалъ ему Господь нашъ отцу нашему: „почему ты не будешь погребенъ во гробѣ? Развѣ изъ пророковъ ты выше Іеремія, или изъ апостоловъ Петра, или Іоанна, который обиталъ въ пустынѣ, подобно тебѣ, или Георгія, который много пострадалъ?“ И отвѣчалъ отецъ нашъ Господу: Развѣ Іеремія не сказалъ: „лучше умереть отъ меча, чѣмъ умереть отъ голода“¹⁾. Петръ жилъ въ ъдѣ и питіи и одеждѣ, и когда ему не доставало колосьевъ въ субботу, плоть его не выдерживала и одного дня. При распятіи Твоемъ онъ отрекся отъ тебя трижды; когда его допрашивали у вратъ воинъ, онъ не претерпѣлъ, не умеръ съ тобою, отрекся отъ тебя. И Георгій жилъ въ мірѣ, какъ князь въ санѣ, называемомъ „трибунъ“ (*trēbinos*); потомъ подвергли его страданію и ввели въ място яствъ; онъ попросилъ хлѣба для плоти своей и не вынесъ голода. Іоаннъ жилъ въ пустынѣ, подобно инѣ, но онъ ъль медъ дивій, а что лучше и слаще его? Цари и князья любятъ медъ болѣе всего. Я же жилъ 562 года, выйдя изъ чрева матери моей, и не касался ея одежды, не сосаль ея сосцевъ, не лежалъ на ея ложѣ, не видалъ ея лица, красное оно, или черное, не пилъ воды, не ъль ни плодовъ земныхъ, ни травы. Вѣждамъ своимъ не далъ я сна, и поддержки всей плоти моей, но пребывалъ водруженнымъ, какъ столпъ; рука моя не двигалась туда и сюда, и лицо мое не обращалось назадъ. Одежды я не зналъ до сего дня, и одѣяніемъ мірскому—травою и листьями не покрывался. Вѣрно ли это слово, пусть скажутъ горы и холмы, воды и страны, солнце и луна, небо и земля; эти львы и леопарды и птицы небесныя

¹⁾ Такого мяста нѣть у пр. Іеремія.

и ангелы. Господи, Ты знаешь тайны мои, скажи!... И отверзъ Господь нашъ уста свои: „да, рабе вѣрный, Габра-Манфасъ-Кеддусъ, все это истинно, и нѣть неправды въ этомъ!“ И горы и холмы, небо и земля, солнце и мѣсяцъ, воды и страны и птицы небесныя, львы и леопарды и Ангелы отверзли уста свои и сказали вѣвъ вѣстѣ: „истинно то, что онъ сказалъ, и не ложно!“ Небо и земля до камней говорили, какъ люди: „мы не видѣли подобія его ни съ низа земли, ни съ высоты неба“. Тогда ангелы небесные изрекли судъ, говоря: „да вознесется душа вѣстѣ съ плотію своею и да не сокрытъ онъ во гробѣ“. Іоаннъ присудилъ также, и Петръ съ апостолами присудилъ такъ же, Моисей съ пророками присудилъ такъ же, Георгій съ мучениками присудилъ такъ же, Антоній съ монахами присудилъ такъ же. Тогда сказалъ Господь нашъ: „имя того, кто будетъ писать это чудо, Я впишу въ книгу жизни, и онъ найдетъ обитель во царствіи небесномъ; не коснется его огонь и ангелы мрака, но примутъ его ангелы свѣта въ мирѣ и радости; будетъ пребывать душа его съ возлюбленнымъ его Габра-Манфасъ-Кеддусомъ, и онъ положитъ сіе чудо, написавъ его, въ домѣ своемъ, и въ церкви да будетъ оно свидѣтельствомъ“.

Послѣ приведенного „чуда“ не будуть уже казаться слишкомъ неприличными пріемы, къ которымъ прибѣгали агиобиографы для возвеличенія своихъ святыхъ. Тѣ безконечные рассказы о явленіяхъ Бога, Богоматери, святыхъ и Ангеловъ по всякому, самому ничтожному поводу и начиная чуть ли не съ младенчества святого, которыхъ намъ придется еще касаться при изложеніяхъ самихъ сказаний, тѣ упоминанія о сверхъестественныхъ хожденіяхъ въ Іерусалимъ и пощеніяхъ по воздуху „на духовныхъ колесницахъ“, которая такъ любятъ списатели, та едва ли не служебная роль, какую играютъ относительно преподобныхъ даже Архангелы и Ангелы—все это коренится въ свойственномъ въ большей или меньшей степени всему востоку неумѣніи соблюдать масштабы, а также носить на себѣ печать упадка церкви и недомыслія ея дѣтелей. Насколько въ данномъ случаѣ, кромѣ вліянія коптской литературы, сказалось воздействиe нехристіанскихъ представлений и даже языческихъ переживаній, сказать мы не въ

состоянії, но я думаю, что для объясненія тѣхъ невозможныхъ съ физической точки зрѣнія и едва ли цѣлесообразныхъ съ нравственной подвиговъ, не надо было идти къ дервишамъ и факирамъ: примѣры ихъ, правда, въ болѣе мягкой формѣ есть и въ другихъ агіологическихъ литературахъ; абиссинамъ принадлежитъ только та утрировка, которая является столь характеристичной для многихъ сторонъ ихъ церковной жизни.

Что касается до виѣшней формы и расположенія материала въ житіяхъ, то это также въ значительной степени обусловливается главнымъ назначеніемъ ихъ — служить проповѣдями. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ весь агіологіческій трактатъ отъ начала до конца представляется связное произведеніе, предназначенное для прочтенія съ церковнаго аналоя. Отдельныя части его отмѣчаются только обращеніемъ къ слушателямъ или панегирическими, часто риѳмованными отступленіями по поводу только-что прочитанного отдельна. „Вернемся къ разсказу“ является въ такихъ случаяхъ переходомъ къ продолженію повѣстованія, какъ бы заглавіемъ новаго отдельна. Часто и эта фраза отсутствуетъ, и авторъ просто разсказываетъ одинъ фактъ за другимъ, отмѣчая начало новаго параграфа красными строками. Въ житіи, напр., Самуила Вальдебскаго мы встрѣчаемъ такое явленіе, только изрѣдка нарушаемое вставкой: „послушайте и сie чудо“; въ началѣ этого житія замѣчаются попытки ввести въ него другое, болѣе рельефное дѣленіе: надъ страницами написаны, очевидно, уже послѣ окончанія всей рукописи заглавія отдельныхъ параграфовъ съ ихъ нумерацией; напр.: „2. О томъ, какъ поклонились ему всѣ звѣри пустыни“. Или: „5. О томъ, какъ исполнилъ онъ семь подвиговъ“. Эта попытка остановилась всего на пятомъ параграфѣ. Нумерацию „главъ“ (m  r f или K  fl), проведенную чрезъ весь агіологіческій памятникъ, но безъ заглавій, мы встрѣчаемъ только въ трехъ случаяхъ: въ дабра-либаносскомъ житіи Такла-Хай-

манота, по парижской рукописи № 137, въ житіи его ученика Филиппа и въ повѣстованіи о Габра-Іасусѣ, уже известномъ намъ.

Подобно греческимъ и славянскимъ житіямъ, эѳіопскія весьма часто имѣютъ послѣ себя длинный рядъ повѣстованій о чудесахъ святого. Каждое изъ нихъ предваряется заглавіемъ такого типа: „чудо отца нашего (имя рекъ); молитва и благословеніе его да будутъ съ возлюбленнымъ его (имя заказчика рукописи) во вѣки вѣковъ. Аминь“. Иногда этой фразѣ предшествуетъ цифра, если чудеса занумерованы, какъ это мы встрѣчаемъ въ житіи Абія-Эгзія и Валатта-Петроса. Чудеса, описываемыя въ этомъ приложеніи къ житію большою частью совершены по кончинѣ святого, но иногда, какъ напр., въ житіи Абія-Эгзія или Габра-Эндреяса, а также Габра-Манфасъ-Кеддуса по парижской рукописи № 116, большая часть всего агіологического трактата разбивалась на рубрики, озаглавленныя приведенной фразой. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ житіи Самуила вальдебскаго, где хотя эта фраза и отсутствуетъ, но факты житія изложены безъ всякой системы и всѣ безъ различія названы „чудесами“. Нечего и говорить, что эти ряды „чудес“ напоминаютъ не только наши четыри-минеи, но еще въ большей степени копто-арабскіе сборники чудесъ великомученика Георгія, а также столь распространенные въ эѳіопской письменности „чудеса Маріи“. Вкусъ въ подобного рода литературѣ былъ, несомнѣнно, весьма развитъ въ Абиссиніи и простая справка въ любомъ каталогѣ эѳіопскихъ рукописей убѣдить въ ихъ распространенности, но трудно сказать, представляютъ ли повѣстованія о чудесахъ туземныхъ святыхъ самостоятельное явленіе, или они вылились въ ту форму, какую намъ даютъ рукописи, подъ вліяніемъ переводной литературы? Уже въ житіи Габра-Манфасъ-Кеддуса, написанномъ при Давидѣ I (1380—1409) есть отдельъ посмертныхъ чудесъ, следовательно, на него могли

вліять только переводы житій муч. Василиса или Мины, сдѣланные около того же времени, такъ какъ появление въ эзопскомъ обликѣ чудесъ Георгія или Богородицы относится уже къ болѣе позднему времени: первыя переведены при Александрѣ (1487), вторыя, какъ всѣмъ извѣстно—при Зара-Якобѣ. Помъртвныя чудеса, вѣроятно, записывались въ монастыряхъ, бывшихъ мѣстами подвиговъ святыхъ, съ цѣлью прославленія послѣднихъ. То, что мы имѣемъ въ приложеніяхъ къ житіямъ, я думаю, представляетъ пересказы или даже просто копіи этихъ монастырскихъ записей. Доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что житія разныхъ редакцій даютъ чудеса въ весьма близкомъ изложеніи. Напримѣръ, во всѣхъ трехъ редакціяхъ житія Евстаѳія, при значительныхъ вариантахъ и даже особенностяхъ въ изложеніи въ біографії святого, повѣствование о чудесахъ несравненно ближе, и мѣстами доходитъ до буквального тожества, только число чудесъ въ разныхъ редакціяхъ различно. Тоже самое можно сказать о житіяхъ Такла-Хайманота. О томъ, что вальдебская редакція значительно отличается отъ дабра-либаносской даже въ существенныхъ пунктахъ, повторять нѣтъ надобности, но слѣдуетъ замѣтить, что три первыхъ чуда святого и въ той, и въ другой изложеніи почти дословно; остальные чудеса, отсутствующія въ вальдебской редакціи, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія.

Кромѣ чудесъ, абиссинские агіобіографы любятъ присоединять къ житіямъ преподобныхъ, т. наз. „книги родства“ или „духовныя родословія“ (*ledata-manakosat*) своихъ святыхъ. Это уже, повидимому, чисто абиссинское явленіе и имѣеть цѣлью возвести національныхъ монаховъ къ великимъ столпамъ иночества—свв. Антонію В. и Макарію египетскому. Бѣдучи тенденціозны по замыслу, эти родословные списки тенденціозны и въ своемъ составѣ: ниже мы будемъ имѣть случай неоднократно читать въ нихъ между строкъ замаскированные анохронизмы и

посягательства на равноправіе чужихъ монашескихъ орденовъ. Къ сожалѣнію, тексты этихъ генеалогій по большей части неисправны и неудобопонятны, а потому полное критическое изданіе ихъ было бы весьма желательно. Въ нашемъ матеріалѣ такихъ родословій присоединены къ житіямъ Такла-Хайманота, Габра-Іасуса (сб. Евстаѳія) и Абія-Эгзѣ; кромѣ простого перечня: имя-рекъ родилъ имя-рекъ... часто мы находимъ въ нихъ интересныя замѣтки біографическаго и историческаго характера. Такла-Хайманотъ имѣеть, кромѣ того, плотскую генеалогію, возводящую его къ первосвященнику Садоку и просвѣтителю Эзопію.

Кромѣ пространныхъ житій, эзопская церковь имѣеть еще, какъ мы уже неоднократно упоминали, полный годовой кругъ краткихъ въ своемъ синакварѣ, переведенномъ съ коптскаго черезъ арабскій и постепенно пополнявшагося краткими житіями національныхъ святыхъ. Не имѣя дока полнаго критического изданія этого важнаго памятника, мы лишены возможности судить объ отношеніи къ нему пространныхъ житій. Намъ извѣстно только, что какъ тѣ знаютъ о существованіи синакваря, такъ и синакварь предполагаетъ существующими пространныя житія и даже на нихъ ссылается. Такъ, житіе Габра-Іасуса говоритъ о „всѣхъ святыхъ мужахъ и женахъ, житія которыхъ описаны въ книгѣ „*Senkesar*“. Съ другой стороны, въ Синакварѣ мы встрѣчаемъ иногда при именахъ туземныхъ святыхъ замѣтку: „его (ея) житіе—въ книгѣ его (ея) бореній“ ¹⁾. Или „всѣ доблести и слова его записаны въ книгу бореній подвиговъ его, чтобы читаться въ день памяти его“ ²⁾. Эти замѣтки объясняютъ излишнюю краткость синакварнаго сказанія, а иногда полное отсутствіе житія,

¹⁾ Оксфордскій синакваръ подъ 18 и 21 хедара. Dillmann, Catal. Bodl. VII, p. 45.

²⁾ Берлинск. синакс. подъ 24 тера (Марха-Крестосъ).

хотя можетъ быть иногда являются и замѣткой переписчика о томъ, что то или другое житіе уже имѣется въ полномъ видѣ въ той библіотекѣ, для которой предназначается переписываемый имъ синаксарь.

По полнотѣ синаксарныхъ сказаній, какъ мы уже упоминали, крайне различны. Отъ простого упоминанія до сжатаго, но полнаго жизнеописанія, они представляютъ различные степени обстоятельности, иногда ограничиваясь замѣткой, что о святомъ ничего не извѣстно, иногда давая вмѣсто сказанія саламъ, иногда сообщая о святомъ нѣсколько строкъ. Послѣднее выпадаетъ иногда на долю весьма извѣстныхъ и важныхъ въ исторіи церкви святыхъ, какъ, напр., Арагави. Это обстоятельство также можетъ быть объясняется распространенностю пространныхъ житій этихъ святыхъ, но такъ ли это, мы сказать не можемъ уже въ виду того, что имѣемъ крайне мало данныхъ для рѣшенія вопроса о взаимномъ отношеніи тѣхъ и другихъ житій. У насъ подъ руками только шесть житій, которыми мы располагаемъ въ обѣихъ редакціяхъ: Арагави, Исаака Гарима, Лалибалы, Такла-Хайманота, Евстаѳія и Самуила вальдебскаго. Изъ нихъ первое не идетъ въ счетъ по своей краткости, второе само ссылается на пространное твореніе Іоанна Аксумскаго. Синаксарное сказаніе о Такла-Хайманотѣ представляетъ сокращеніе его пространнаго житія по дабра-либаносской редакціи; остальная также напоминаютъ пространнаго житія, но имѣютъ иногда и свои особенности, заставляющія предполагать редакціи, отличныя отъ извѣстныхъ намъ пространныхъ житій.

При всѣхъ различіяхъ, въ составѣ синаксарей относительно туземныхъ святыхъ, при всей краткости и безцвѣтности сказаній о нихъ, одно общее имъ всѣмъ обстоятельство останавливаетъ на себѣ наше вниманіе: главы объ эѳіопскихъ святыхъ редактированы такъ, что мы не въ состояніи опредѣлить, кому принадлежала въ этой редакціи главная роль. Житія

составлены съ рѣдкой для абиссина безпристрастностью и умѣренностью; самый выборъ ихъ не можетъ дать никакихъ указаний на „цвѣтъ“ редактора. Оба столпа абиссинского монашества названы „отецъ нашъ“ (abuna); оба получили одинаково вѣскіе эпитеты (Такла-Хаймонотъ—„учитель міра“, Евстаѳій—„учитель вѣры и проповѣдникъ Евангелія“); ихъ житія одинаковы по обширности. Житія ихъ духовныхъ предковъ—Арагави и Ливанія совершенно тождественны по краткости; что же касается ихъ непосредственныхъ учениковъ—двухъ Филипповъ, то они оба представлены только замѣтками о дняхъ памяти. Единственно, что даетъ нѣкоторое основаніе видѣть руку дабра-либаносцевъ по крайней мѣрѣ, въ послѣдующей судьбѣ синаксарей, имѣющихихся у насъ подъ руками, это внесение въ нихъ нѣсколькихъ настоятелей обители и мучениковъ, пострадавшихъ въ ней при Гранѣ (20 генбота—Затра-Вангель, 24 тера—Марха-Крестосъ; оба—настоятели Дабра-Либаноса; 24 и 25 Хамлѣ—страданіе Такла-Адонаи, Тавальда-Мадхана и За-Іасуса).

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя мы считали нeliшними сдѣлать относительно литературной стороны агіологическихъ памятниковъ. Изученіе ихъ съ исторической стороны требуетъ разбора каждого изъ нихъ въ отдельности. Къ этой задачѣ мы теперь и переходимъ, рассматривая житія по periodамъ абиссинской исторіи.